

ректность не замечена адресатом. Тогда аргументация как способ формирования убеждения достигает цели, но аргументация как форма донесения знания достигает этого лишь частично: адресат получает знание об истинности тезиса и заблуждается относительно способов его обоснования.

4. Семантический базис аргументации есть общий для участников дискуссии набор ценностных ориентиров знаний и представлений об истине, правильности, обоснованности, доказательности, рациональности, справедливости и иных существенных в том или ином конкретном случае понятиях. Системы ценностей и представлений об указанных понятиях у сторон аргументационного процесса могут не полностью совпадать, что обычно и бывает, но существенно, чтобы имела общая совпадающая часть. Прагматические аспекты аргументации и доказательства могут реализоваться только при наличии семантического базиса аргументационного процесса. Выявление семантического базиса должно считаться одним из важнейших правил построения аргументации, одним из требований, невыполнение которого разрушает сам процесс аргументации.

5. Эпистемический и социальный контекст, в котором осуществляется доказательство, характеризует его как явление реального исторического процесса развития знания и общества в целом. Известно, что в ходе развития знания и изменения социума меняется стиль мышления, а вместе с тем меняются и представления о приемлемых и неприемлемых способах аргументации, доказательства, о рациональном и убедительном, научном и ненаучном. Все это существенным образом сказывается на эпистемических и прагматических аспектах аргументации и доказательства как способа обоснования и формы развития знания.

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СЕМЬЕ

С. В. Половинкина

Семья – традиционный институт, выполняющий ряд важнейших функций в обществе: семья является и социальным институтом, в рамках которого общество воспроизводит себя, и социально-психологической и моральной микросредой и осуществляется первичная социализация человека, где происходит адаптация людей к новым условиям жизни. Во всем мире, включая постсоветское пространство, семья – главная жизненная ценность и для мужчин и для женщин [8, с. 61–64].

Процессы глобализации мира и социальной трансформации на постсоветском пространстве не обошли стороной и семью. Произшедшие в обществе изменения в немалой степени сказались на статусе мужчины и

женщины в семье и в повседневной жизни, на их понимании своих прав и обязанностей по отношению друг к другу. Область семейной жизни оказалась местом противостояния традиционных и современных взглядов на роли мужчины и женщины. Важной проблемой исследования является изучение влияния господствующих в обществе ценностей и идеалов по поводу «правильного» разделения труда в семье на реальные социальные практики мужчин и женщин [4, с. 24–25].

Одним из традиционных показателей, характеризующих значимость различных видов деятельности в жизни человека, а также гендерные различия в этой деятельности, является временные затраты на них. Изучение бюджета времени белорусов [3], свидетельствует о существенных различиях в том, как проводят будние и выходные дни белорусские мужчины и женщины. В целом, женщины уделяют больше времени разным видам работы. Если мужчины больше заняты на основной работе (7 часов 38 мин. у мужчин и 6 часов 35 мин. у женщин), то женщины затрачивают больше времени на домашнюю. Сравнение совокупного показателя занятости мужчин и женщин на основной работе и дома показывает, что женщины в будние дни работают почти на два часа больше, чем мужчины, а в выходные дни эти различия доходят до трех часов. В связи с этим женщинам приходится сокращать время отдыха. «Двойная нагрузка» женщин (женщина должна работать вне дома наравне с мужчиной и одновременно быть матерью и хозяйкой [7, с. 61–63]) являлась нормой в советском обществе, где считалось, что сфера труда – центральное поле социальной интеграции всех граждан, включая женщин, которых определяли как работницы-матери. Такая модель была связана с негласным признанием «превосходства» мужчин. В семье это проявлялось в конструкции образа мужчины как «кормильца», а в общественном плане – в способности быть работниками, политиками, управленцами, солдатами. Государство и институты сферы труда поддерживали роли мужчин и женщин, соответствующие этой модели [4, с. 32–33].

В постсоветском обществе ситуация несколько изменилась: женщины, как и мужчины, могут более свободно выбирать, в какой сфере приложить свои силы. Если располагает экономическое положение, они могут не работать. Однако большинство по-прежнему не может себе позволить содержать семью на доход одного работника [7, с. 61–62].

По вопросу о том, кто является основным кормильцем в семье, между мужчинами и женщинами нет единого мнения: только 8 % белорусских мужчин отметили, что в их семье зарабатывает больше жена, а почти половина женщин (48 %) указывают на мужа как самого высокооплачиваемого члена семьи [3]. Другое исследование, проведенное в России

[1, с. 83], показывает примерно такие же данные: около половины женщин назвали себя основным кормильцем, тогда как ни один мужчина не признал этой роли за своей женой. Такое несоответствие оценок можно объяснить влиянием патриархального стереотипа о главенстве мужчины, под воздействием которого не столько реальные экономические факторы обуславливают его власть, сколько действие традиции заставляет оценивать различия в доходах в свою пользу.

В последние десятилетия казавшийся незыблемым строй жизни семьи подвергается сомнению. Хотя среди женщин все еще превалирует ориентация на семью по сравнению с работой и карьерой [7, с. 61–62; 5, с. 74–77; 8, с. 81–107], тем не менее работа также входит в число наиболее приоритетных ценностей [7, с. 61–62; 8, с. 107–121]. Чтобы полностью реализовать себя как личность, женщины получают образование наряду с мужчинами, работают, делают карьеру - и формально не встречают почти никаких запретов. Но при этом необходимость ведения дома и воспитания детей увеличивает нагрузку женщины. Поэтому многие женщины стоят перед выбором - либо семья, либо карьера [3; 1, с. 82–86].

Современный подход к разделению обязанностей в семье признает равные права как мужа, так и жены работать, заниматься карьерой. И муж, и жена в одинаковой мере могут воспитывать детей, проявляя к ним ласку, заботу и внимание. Мужчины должны быть больше втянуты в домашние дела, вынуждены считаться с мнением жены в процессе принятия семейных решений [7, с. 63–64].

В соответствии с представлениями о традиционной и современной (посттрадиционной) моделями семьи и разделения в ней гендерных ролей в Беларуси в 2000 г. был проведен факторный анализ [8, с. 91–100]. Результаты показали, что как среди женщин, так и среди мужчин немало сторонников и одной и другой позиции. В среднем даже больше женщин, чем мужчин, которые полностью поддерживают традиционные гендерные роли в семье, за исключением утверждения о том, что «большинство женщин хочет сидеть дома с детьми и не работать». Вместе с тем женщины, а не мужчины доминируют и среди сторонников современного разделения ролей в семье, поскольку они больше заинтересованы в сломе гендерных стереотипов и установлении гендерного равенства. Больше женщин считает, что «и мужчины и женщины должны вносить материальный вклад в семейный бюджет».

Возраст – наиболее существенная категория, разделяющая людей в вопросе о гендерных ролях в обществе. Люди старше 60 лет (особенно

женщины) намного более патриархальны и традиционны в своих представлениях, чем молодежь.

Сильная связь просматривается и между «нетрадиционными» высказываниями респондентов и размером города, в котором они живут: по мере увеличения численности населения в городе увеличивается и численность сторонников посттрадиционных гендерных взглядов [8, с. 91–100].

Многие женщины посредством своих важных ролей в семье компенсируют низкий статус на рабочем месте, отчуждение от политической власти. Семья является, по мнению опрошенных белорусов [3], единственной сферой, где неравенство не обращено в пользу мужчин. В модели семьи советского общества лидером являлась мать. Именно мать особенно остро воспринимает негативные влияния среды, ищет компромиссные, наиболее приемлемые для семьи пути приспособления к изменяющимся социальным условиям [6, с. 83–84]. Опрос молодежи, проведенный в городе Тольятти [4, с. 76], показал следующее: перечень членов семьи молодые люди начинают с матери – 41,5 % (затем упоминается отец – 38,8 %), а девушки с мужа – 41,9 % (затем жена – 42,3 %). Это яркая иллюстрация, с одной стороны, живучести в России (и на всем постсоветском пространстве) модели семьи, ориентированной на фигуру матери, а с другой, – влияние старой традиции, выстроенной вокруг фигуры мужа.

Поскольку домашняя сфера становится уделом женщины и ограничена территорией, на которой проживает семья, то именно женщина занимается ее обустройством. Ввиду ограниченности денежных средств, в семье возникает необходимость концентрации всех поступлений в одних руках для более рационального их использования. Вопреки традиционной патриархальной культуре, в советских странах сложилась совершенно иная практика. Женщина не только тратит выделенные средства на семейные нужды, но и планирует бюджет, определяет семейную финансовую стратегию, в то время как мужчина является добытчиком денег. Мужчина привыкает к домашнему иждивенчеству и отстраненности от решения семейных проблем, а женщина, не получая помощи, выказывает свое недовольство и разочарование. Однако женщина не столь одинока, поскольку она имеет больший социальный капитал (связи, жизненный опыт), чем мужчина, сконцентрировавший свои усилия только на работе [2, с. 86–89].

Подводя итоги анализа повседневного взаимодействия полов в семейной жизни, можно сказать, что происходящие изменения во всех сферах жизнедеятельности в постсоветских странах затронули и область

семьи, смещая ориентиры от традиционного гендерного уклада к современной, эгалитарной модели семьи.

Литература

1. *Винокурова Н. А.* Женщины и мужчины в науке: двойной портрет // Социс. 1999. № 4. с. 82–86.
2. *Лыткина Т. С.* Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социс. 2004. № 9. с.85–90.
3. По результатам социологических исследований/ www.gender.by
4. *Пфау-Эффингер Б.* Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социс. 2000. № 9. с. 24–35.
5. *Скутнева С. В.* Гендерные аспекты самоопределения молодежи // Социс. 2003. № 11. с. 73–78.
6. *Силласте Г. Г.* Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы// Социс. 2004. № 9. с.77–84.
7. *Титаренко Л. Г.* Гендерная социология: Учеб.-метод. комплекс. Мн.: БГУ, 2033. 154 с.
8. *Титаренко Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Мн.: БГУ, 2004. 205 с.

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ РИТОРИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. Г. Слизанова

В современном пространстве коммуникации осуществляется поиск эффективных стратегий трансляции информации от адресанта к адресату воздействия. Информация, организованная с учетом возможностей ее восприятия, включает в себя план риторики как «искусства находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [1, с. 32]. Информация оказывается включенной в риторические средства воздействия, представляющие собой в совокупности формальную и неформальную (риторическую) аргументацию.

Подобная дифференциация видов аргументации необходима для целостного представления о данном феномене, поскольку позволяет учитывать как ее предметно-объективную сторону – логико-методологический аспект, представленный в совокупности доводов, приводимых в пользу какого-либо утверждения, так и субъективную, которая конституируется взаимосвязью двух аспектов – тактического и контекстного. В понятие тактического вкладывается способ достижения какой-либо задачи в рамках общей цели; контекстный аспект предполагает учет конкретных ситуативных особенностей аргументативного процесса и зависимости от коммуникативной компетентности адресата. Контекстный